

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 81'272
ББК Ш100.621

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Е. А. Картушина
Москва, Россия

ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ СТАТУСА МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ В УСЛОВИЯХ МНОГОЯЗЫЧИЯ (НА ПРИМЕРЕ ФИНЛЯНДИИ)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается многоязычие как феномен современной реальности глобализующегося мира и как фактор, который необходимо учесть при языковом планировании. В центре внимания автора статьи языковое планирование в отношении статуса языка. Данный тип языкового планирования, помимо учета языков в образовательной политике и фиксации методами корпусной лингвистики, играет важную роль в языковой политике государства. Основная проблема учета многоязычия при реализации мер языкового планирования видится в уместности отражения статуса каждого идиома в официальной политике (придания статуса официального или миноритарного языка). Выбор языковой ситуации в Финляндии для социолингвистического анализа стал не случайным. Учитывая давнее существование двух официальных языков и большого количества миноритарных компонентов языковой ситуации (включая языки малочисленных народов, например, языки саами), языковая политика Финляндии сталкивается с необходимостью преодоления многих сложностей. Во-первых, это трудности социально-идеологического характера, связанные с принятием другого языка и с языковой нормой титульного языка. Во-вторых, это трудности правового порядка, к которым относится необходимость выполнения соглашений и договоров, которые подписала страна, и приведения языкового планирования в соответствие с ними. Языковое планирование в аспекте статуса языка отражается не только на законодательном уровне определенного государства, но и в международном праве. Проанализировав те миноритарные языки, которые так или иначе отражены в законодательстве Финляндии (среди них шведский, цыганский и язык глухих), автор статьи приводит данные опроса русскоязычного населения Финляндии. Исследование проводилось в начале года. Целью опроса было определение степени необходимости признания на официальном уровне русского языка как миноритарного при языковом планировании в Финляндии. В заключении делается вывод об адекватности мер языкового планирования в отношении статуса языков современным условиям многоязычия. Отмечается различие между юридическим, официальным статусом языков и их практической значимостью в определенной языковой ситуации. Возможным решением данного противоречия может стать социолингвистическое описание применения того варианта языка, который используется в определенной языковой ситуации, и прагматическое восприятие языка его пользователями. По всей вероятности, в данном случае мы имеем дело с ситуацией полиглоссии (по аналогии с термином «диглоссия», предложенным Ч. Фергюсоном), при которой существует множество «низких» языков, используемых в малораспространенных сферах, наряду с «высоким» языком, являющимся титульным, национальным и имеющим тенденцию к использованию во всех сферах применения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая ситуация; языковая политика; статус языка; многоязычие; языковое планирование.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Картушина Елена Александровна, кандидат филологических наук, заведующий сектором иностранных языков кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина; 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6; e-mail: eakartushina@gmail.com.

В эпоху глобализации меняется ареал распространения языков, на территории многих государств появляются языки, присутствие которых еще несколько лет назад было сложно предугадать. Мировые языки начинают конкурировать с национальными, происходит изменение их функций и «сфер влияния», что, в свою очередь, сказывается на языковой ситуации и требует ее постоянного изучения в условиях многоязычия. Именно это обстоятельство и делает изучение языковой политики актуальным.

Целью данной статьи мы ставим рассмотрение степени адекватности тех мер языкового планирования (как одного из аспектов языковой политики), которые могут предприниматься в связи с фактическим изменением языковой ситуации в условиях многоязычия. Прежде всего имеется в виду планирование в отношении статуса языков — те меры, которые направлены на официальное признание статуса определенного идиома (языка) в отдельно взятой языковой ситуации.

Планирование в отношении статуса языков, так же как и учет идиома на всех уровнях образования и при исследованиях методами корпусной лингвистики, является важным ас-

пектом языковой политики любого государства. Подобное разграничение направлений языковой политики, по всей вероятности, берет свое начало в трудах Х. Клосса и А. Вердота, которые предложили проводить границу между планированием статуса языка (определением статуса и функциями идиома языковой ситуации) и планированием корпуса (определением языковых норм — выбор письменности, орфографии, лексики и грамматики) [Kloss, Verdoodt 1969]. Позднее Р. Купер [Cooper 1989] добавил к этим двум сферам третью — языковое планирование в сфере образования. Указанные три типа мер языкового планирования в совокупности и составляют языковую политику государства.

Рассмотрение мер планирования в области статуса языка проводится на примере Финляндии, выбор которой обусловлен длительной историей двуязычия и наличием среди компонентов языковой ситуации не только титульного (национального) языка, но и большого количества миноритарных языков, в том числе и вымирающих (некоторые языки саами).

Основная сложность, которую представляет собой реализация мер языкового пла-

нирования статуса языков, — это официальное признание на разных уровнях (законодательном, образовательном или лишь в соответствии с внутренними документами определенной организации) той практической роли, которую определенный идиом выполняет в языковой ситуации.

Первичным для решения этой проблемы в многокомпонентной языковой ситуации является отношение к самому феномену многоязычия. Как правило, многоязычие воспринималось исследователями положительно, что отразилось, в частности, в Европейской хартии о региональных и миноритарных языках (подписанной в Страсбурге в 1992 году) и, позднее, в поддержке многоязычия как стратегии ЕС [Картушина 2016].

Однако современные теории демонстрируют и критические замечания при описании многоязычия как феномена. В частности, ряд исследователей (И. Блумарт, С. Леппанен, М. Спотти) указывают на скрытую опасность многоязычия [Blommaert, Leppänen, Spotti 2012]. Основную сложность присутствия многих языков в определенном социуме исследователи видят в неразрешенных противоречиях между традициями, существующими в определенном сообществе, и современными тенденциями перемещения языков и культур. Кроме того, многоязычие соотносится с парадоксом соотношения языка и культуры в количественном отношении — с тем противоречием, о котором говорил Э. Сепир: одна культура не всегда соответствует одному языку, а, напротив, один язык может соотноситься с несколькими культурами и одна культура может соотноситься с несколькими языками [Ibid.: 7]. Многоязычие как реальность современного общества вторгается в устойчивую систему анахронизмов, присущих любому обществу, что, в свою очередь, связано с противоборством порядка и хаоса, нормы и аномалии [Ibid.: 9].

Это одна группа сложностей реализации принципа многоязычия на практике, которая относится к социокультурному, идеологическому аспекту функционирования языков, но существует и другой аспект, связанный с формальными принципами языкового планирования. Речь идет прежде всего о тех принципах, которые составляют основу языковой политики. Первый принцип, который выделяется социолингвистами [Williams 1992; Makoni, Pennycook 2007; Bloomaert 1999], — это принцип учета меньшего количества языков при языковом планировании (по терминологии И. Блумарта — принцип олиголингвизма). Вторая исходная предпосылка языковой политики — это принцип эффективности и лояльности, согласно ко-

торому присутствующие на территории определенного государства языки должны быть ранжированы при языковой политике с учетом национальных интересов определенной социальной группы и с учетом их практической значимости и сфер распространения. Именно этим принципом и обусловлено появление языковых меньшинств и языковых прав [Bloomaert 2012].

Сложность в реализации языковой политики заключается в необходимости соответствовать общей направленности национальной, социальной и, в некоторых случаях, международной политики. Языковая политика определяется действием двух векторов — вектора текущего использования определенного языка и общеполитического вектора.

Таким образом, при рассмотрении степени адекватности мер языкового планирования необходимо следить за их соответствием указанным выше принципам, но в то же время возникает вопрос наличия определенных критериев оценки эффективности мер языкового планирования на предмет соответствия основным предпосылкам. Можно ли считать меры языкового планирования адекватными, если каждый присутствующий язык учитывается в образовательной политике и создается корпус языка? Или необходимо закреплять статус каждого языка на законодательном уровне? В зависимости от того, как решаются эти вопросы при реализации мер языкового планирования, можно выделить рекреационную или агрессивную языковую политику.

Языковое планирование Финляндии можно скорее охарактеризовать как рекреационное, т. е. ориентированное на поддержание исторически устоявшихся статусов языков.

Другой аспект, который может затруднить адекватное языковое планирование, относится к юридическим сложностям, а именно необходимости выполнения многих внутригосударственных и международных договоров. Помимо законов о языке, существуют другие законодательные акты и постановления (не говоря о Конституции), которые регулируют использование языков: Акт об административном производстве (592/1982) законодательно предоставляет право каждого на перевод любой государственной услуги на свой родной язык. Акт о процедуре обсуждения и постановления решений государственных органов требует синхронного перевода на финский и шведский соответственно.

Кроме того, Финляндия связана многими международными соглашениями и аналогичными документами для группы Северных стран: Соглашение о северных языках

(1987); Общее соглашение между Финляндией и Россией (1992), а также соглашениями и обязательствами Совета Европы о правах человека (1990) и о миноритарных языках (1998), соглашениями ООН. Таким образом, планирование в отношении статуса языков в Финляндии должно не только основываться на анализе практической языковой ситуации, но и не идти вразрез с многочисленными законами и постановлениями как государственного, так и международного уровня.

Говоря о внутригосударственных документах, нельзя не упомянуть Закон о языках саами [Saami Language Act 1991], согласно которому на территории Лапландии языки саами признаются официальными. К тому же в Законе о языке 2004 упоминается еще два языка — цыганский и язык глухих, которые, согласно этому закону Финляндской Республики, имеют ратифицированный статус миноритарных языков.

Присутствие большого числа идиомов в языковой ситуации отнюдь не означает, что каждый из них должен иметь официальный статус. Ниже мы рассмотрим статусное языковое планирование в отношении официально (законодательно) признанных языков Финляндии и уточним условия и степень необходимости признания русского языка в качестве миноритарного языка Финляндии.

Языковое планирование в отношении шведского языка в Финляндии

В Финляндии было принято два закона о языке с разницей во времени в восемьдесят лет — в 1922 и 2004 г. Оба закона о языке призваны решить задачи статусного планирования двух официальных языков — финского и шведского, однако социальная реальность, исторический контекст различались. В начале прошлого века Закон о языке в Финляндии был нацелен на законодательное закрепление позиций финского языка. В начале этого века появление других языков на территории Финляндии (в связи с миграцией, идеологическим влиянием глобализации, усилением позиций английского языка в организационной коммуникации и образовании) вызвало необходимость законодательно закрепить позиции шведского языка как второго государственного языка в Финляндии.

Другое отличие Закона о языке 2004 г. касается сфер использования языка. Закон о языке 1922 г. в Финляндии прописывает использование родного языка (финского или шведского) в суде, однако закон 2004 г. упоминает, что использование родного языка не распространяется на университеты, лютеранскую и православную церкви [Kielilaki 2004]. Оба закона о языке признают право

на использование языков при судебном разбирательстве и при получении медицинских услуг.

Статусное планирование языковой политики Финляндии реализуется и в Законе об обязательном образовании (согласно которому школьник, помимо финского языка, имеет право два академических часа в неделю изучать свой родной язык), Законе об университетах (согласно которому магистерскую и докторскую диссертации можно защитить на родном языке с синхронным переводом на финский или шведский) и Законе о муниципалитетах (согласно которому округ может быть признан двуязычным, если не менее 8 % населения округа говорит на втором языке — финском или шведском).

Однако встречаются мнения, что при признании округа одноязычным происходит нарушение п. 17 Конституции Финляндии, который гласит: «Право каждого использовать родной язык, финский или шведский, в суде или других органах государственной власти гарантируется соответствующим Законом. Государственные органы должны обеспечивать культурные и социальные нужды финноязычного и шведоязычного населения страны на равноправной основе».

Таким образом, статусное планирование в отношении двух официальных языков, финского и шведского, на территории Финляндии должно прежде всего основываться на необходимости обеспечить конституционное право, и любое противоборство этих двух языков всегда будет связано с боязнью нарушить Конституцию, а не просто в некотором роде «уйти от устаревающей традиции». Как отмечается в работе Макрея, в результате языкового конфликта финского и шведского языков никогда не будет убитых и раненых, он всегда будет лишь словесной баталией [McRae 1997].

Стоит также отметить, что на языковое планирование, и в первую очередь статусное планирование, оказывает влияние и существующая идеология, в том числе и языковая идеология в отношении другого языка. Мы имеем в виду в том числе и изменение отношения к билингвизму — отношение к нему в лучшую сторону стало меняться в конце XX — начале XXI в. Этот процесс отразился и в социальном принятии двух языков на территории Финляндии.

Языковое планирование в отношении языков саами

Поскольку статусное языковое планирование не ограничивается только Конституцией, а включает и многие другие законодательные акты, то де-факто это может привести к противоречию: статус языка в разных

документах может не совпадать. Это относится в том числе и к шведскому языку на территории Финляндии. В частности, при ратификации Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств Финляндия внесла в список последних шведский, саамский и цыганский языки, отметив, что в отношении языков саами как региональных языков будет применяться 59-е положение Хартии, а в отношении шведского как менее распространенного официального — 65-е положение [Kielilaki 2004]. С одной стороны, это показывает большую значимость шведского языка, чем языка саами, но, с другой стороны, ставит шведский в один ряд с региональными и миноритарными языками и языками меньшинств.

Проблема при определении статуса языка саами заключается в многообразии форм данного языка. Кроме того, поскольку языковые контакты среди саами начались сравнительно недавно, не было необходимости в создании какого-то одного стандартного языка саами. Концентрация усилий на отстаивании своих прав и свобод как малочисленных народов приводит и к необходимости отстаивать статус своего языка.

Два рассмотренных выше обстоятельства — стремление поддерживать свой вариант национального языка и отсутствие стремления прийти к одному варианту литературного языка — могут также быть следствием смены политики ассимиляции, которая проводилась правительством Финляндии вплоть до 1970-х гг. В рамках данной политики предполагалось, что народности саами должны стать частью финского национально-культурного сообщества. Впоследствии, после признания саами территориальным меньшинством, их язык и культура считаются в определенной степени изолированными от титульного на территории Финляндии языка и соответствующей культуры.

Нельзя не обратить внимание на достаточно устоявшийся термин в отношении языков саами — вариант языка саами или язык саами (saami kieli). Возможно, отсутствие четких критериев выделения диалекта, отсутствие однозначного решения проблемы языка и диалекта в лингвистике — все эти факторы способствовали закреплению именно такого термина, *вариант* языка саами.

Отстаивание определенного варианта языка саами имеет еще одно следствие — отсутствие нормативного языка. Как правило, нормированный язык имеет наддиалектную форму, поскольку возникает как смесь

диалектов, основываясь в большинстве случаев на койне столичного региона. В случае с языками саами этому, во многом естественному процессу развития языка препятствуют следующие факторы:

1) существование на всех территориях проживания народностей саами других национальных языков — финского, шведского, двух вариантов норвежского и русского, которые и выполняют объединяющую функцию в коммуникации этих народностей;

2) статусное планирование в рамках языковой политики Финляндии, направленное на поддержание языкового разнообразия, результатом чего становится стремление даже на уровне муниципальных документов считать любой территориальный вариант языка саами именно языком;

3) отсутствие социальной вариативности в языках саами: любая вариативность сводится исключительно к территориальной, а социальная вариативность практически исключается в силу однородности народностей саами по социальному составу.

Примечательно также, что названия языкам саами даются часто на основе географического расположения той области, в которой данный язык распространен, или по названию части света. Например, на территории Финляндии самым распространенным является северносаамский язык, который, согласно данным Й. Юликоски [Ylikoski 2017], имеет все шансы стать наиболее распространенным стандартным языком саами.

Не вызывает сомнения направленность языковой политики Финляндии на поддержание вариативности и сохранение языков саами даже в письменной форме. Возможно, рекреационная языковая политика такого типа может быть следствием директивы ООН от 2004 г., направленной в адрес Финляндского правительства, указывающей на недостаточную степень поддержания языкового и культурного разнообразия и утверждающей необходимость оказания большей поддержки народностям саами в рамках национально-языковой политики.

Данная директива была вызвана подписанием со стороны Финляндии в 1998 г. Европейской хартии региональных и миноритарных языков, а также Всеобщей конвенции по защите национальных меньшинств. Согласно этим документам, Финляндия признавала саами территориальным меньшинством. Был также принят Акт о языках саами в 2007 г., согласно которому три варианта языка саами были признаны, но не имели такого же юридического статуса, как финский и шведский.

**Языковое планирование Финляндии
в отношении миноритарных языков:
цыганский язык и язык глухих**

Согласно Конституции Финляндии, цыгане (народность рома) имеют право развивать собственный язык и культуру. По данным М. Гронфорса [Grönfors 1995], цыгане как миноритарное сообщество долгое время не признавались в Финляндии, ровно как и в других странах. С 1750 по 1850 г. нередко были столкновения между финнами и цыганами на территории Финляндии. Впоследствии в отношении этой народности применялся также закон о бродяжничестве. Лишь в 1901 г., в связи с проведением политики ассимиляции, положение цыган в Финляндии стало улучшаться. В 1970—1990-х г., когда вступил в действие последний Закон о дискриминации, влияние данного национального меньшинства стало гораздо больше: улучшились их жилищные условия, начало действовать право продолжать образование, в системе общеобразовательных школ, стал преподаваться родной язык (два академических часа в неделю). С начала 1990-х годов, в связи с распространением идей о правах человека, большая часть населения Финляндии изменила свое отношение к национальным меньшинствам вообще и к народности рома в частности, одновременно с чем выросла степень осознания национальной идентичности со стороны национальных миноритарных сообществ. В 1997 г. в Положении об Исследовательском институте языков Финляндии появилась поправка, включившая исследования в области цыганского языка (Romani) и его литературной нормы [Grönfors 1995; Ollikainen 1995; Suonoja, Lindberg 1999].

Как уже отмечалось выше, в 1998 г. Финляндия подписала Европейскую хартию о региональных и миноритарных языках, согласно которой цыганский на территории Финляндии признавался языком нетерриториального меньшинства, а затем Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств, обязывающую Финляндию признать народность рома национальным меньшинством, традиционно проживающим на территории Финляндии. Это является точкой отсчета трансформации языковой политики Финляндии, применения целей и принципов Конвенции к цыганскому языку и другим нерегиональным языкам, используемым в Финляндии.

По данным [Grönfors 1995], цыганское меньшинство имеет двойную идентичность: как граждане Финляндии, они считают себя и румынскими цыганами, и финнами, и в то же время национальным меньшинством. В качестве аргумента они используют утверждение, что жили в Финляндии с XVI в. и могут

считать себя встроившимися в финскую культуру.

При этом цыганское меньшинство сохраняет свой язык (в Финляндии существуют школы с его преподаванием) и национальную принадлежность (даже в столичном регионе можно встретить женщин в темных бархатных юбках с регилином).

Однако в Конституции Финляндии (2000, § 17) встречается указание на еще один язык — язык глухих (жестовый язык), который не часто учитывается в языковой политике какого-либо государства. Основным законом Финляндии гарантируется право людей с ограниченным слухом на устный и письменный перевод на этом языке. Финляндия, таким образом, стала одной из семи стран, наряду с Эквадором, Португалией, ЮАР, Швейцарией, Венесуэлой и Угандой, в которых национальный вариант языка глухих охраняется Конституцией [Jokinen 2000]. Финляндия также стала первой европейской страной, в которой люди с ограниченным слухом стали считаться культурно-языковой группой с соответствующим статусом на законодательном уровне, что, несомненно, стало большим шагом вперед в установлении языкового равенства.

Тем не менее положение языка глухих не всегда было таким, поскольку языком он стал считаться в конце 60-х годов прошлого столетия, а в Финляндии в результате мер языкового планирования язык жестов получил официальный статус в конце 1990-х гг. [Lappi 2000]. В отношении языка глухих как языка нетерриториального меньшинства Финляндия на практике руководствуется теми же основными целями и принципами, что и по отношению к цыганскому языку.

Если рассматривать соответствие статуса языка глухих, представленного в нормативных документах, практической реализации принципов закона, то можно отметить достаточно хорошие условия и возможности для пользователей этого языка: право обучиться сурдопереводу в некоторых университетах, наличие учебных пособий для школьников и студентов, наличие словарей, курсов для глухих и для членов их семей, хотя возможность получить сурдоперевод не всегда предоставляется в каждом конкретном случае. Тем не менее в отношении языка глухих можно наблюдать большую толерантность, чем в отношении других миноритарных языков Финляндии.

**Языковое планирование в отношении
русского языка в Финляндии**

Позиция Финляндии при ратификации Рамочной конвенции по защите национальных меньшинств не носила эксклюзивный

характер в отношении одной определенной народности и/или языка, а, напротив, касалась нескольких народностей и языков, среди которых, помимо народностей саами, цыган, евреев, татар, шведофиннов, указывались еще и «старые русские» (*vanha venäläiset*).

Согласно соглашению между Россией и Финляндией, подписанному в 1992 г., обе стороны гарантируют сохранение идентичности как русскоязычного меньшинства, проживающего в Финляндии, так и финноязычного меньшинства, проживающего в России. Русскоязычное население, проживающее в Финляндии, участвует в деятельности многих организаций, в основном неправительственных. В частности, русское население Финляндии имеет свою рабочую группу в Европейском бюро менее используемых языков. В 1992 г. была создана русская ассоциация «*Foorum*», а в 1999 г. — Ассоциация русскоязычного населения в Финляндии (*Suomen Venäjänkielisten Yhdistysten Liitto ry*). Основная цель работы данных организаций — добиться признания прав не только для финнов, имеющих русские корни, но и всех русских, проживающих в Финляндии.

Средства массовой информации на русском языке на данный момент ограничиваются еженедельной газетой «Спектр» и радиостанцией «Спутник» (все относятся к одному медиахолдингу). Государственная телерадиовещательная корпорация «YLE» также предоставляет новости на русском языке. В Интернете есть форум общения для русских — «Финляндия по-русски». В Хельсинки с 1995 г. существует русско-финская школа, а также сеть русско-финских детских садов. Русскоязычная молодежная организация Финляндии совместно с другими Скандинавскими странами с 2009 по 2013 г. выпускала ежеквартальный журнал «Айсбрейкер» (примечательно, что журнал назван по-английски), в материалах которого освещались проблемы русскоязычной молодежи в Скандинавских странах.

Несмотря на активную деятельность русскоязычных организаций и долгую историю соседства и сотрудничества Финляндии и России, официальное признание статуса русского языка пока остается весьма отдаленной перспективой в Финляндии. Среди причин этого, как указывается в работе [Mustajoki, Protasova 2015: 70], есть и религиозные различия, и несовпадения в приемлемом политическом строе (скандинавская демократия и склонность к тоталитаризму), и философские различия (материализм и спиритуализм), и даже различия в идеологии (вера в поступательное движение, а не

стремление положиться на другого в решении проблем). Авторы статьи также высказываются за необходимость официального признания русского языка в Финляндии. Основным доводом в пользу официального утверждения статуса русского языка в рамках мер статусного планирования языковой политики исследователи считают огромного масштаба товарооборот между двумя странами на протяжении достаточно долгой истории взаимодействия Финляндии и России, распространение русского языка в восточной части страны — Иматре и Лаппеэнранте [Mustajoki, Protasova 2015: 74—76].

Другой предпосылкой к официальному признанию статуса русского языка в Финляндии является анализ результатов письменных сочинений финских школьников и студентов о русской культуре, русском языке, совместной истории этих двух стран. Согласно данным анализа, большинство высказывается в пользу выбора дополнительного языка в обучении из шведского или русского [Протасова 2015].

В попытке обозначить актуальное состояние русского языка в Финляндии исследователи говорят о его коммодификации, заключающейся в использовании русского языка в определенных коммуникативных ситуациях и на определенном уровне [Mustajoki, Protasova 2017: 625]. Об экономической составляющей как основании для признания статуса русского языка говорится и в работах Н. И. Бальчюнене [Бальчюнене 2015].

Говоря об исторической подоплеке официального признания русского языка, исследователи не могут не упомянуть деятельность Я. К. Грота — профессора русской словесности Хельсинкского Александровского императорского университета. Несмотря на отличное знание финского и шведского языков, Грот стремился к вытеснению шведского языка русским в Финляндии. Его деятельность пришлась на первый этап формирования языковой ситуации в Финляндии, когда финский язык только стал официальным.

Как отмечают исследователи творчества Я. К. Грота [Протасова 2014], финский народ в тот момент негативно отнесся к подобному рода языковой политике в отношении русского языка, и идеи Грота, хотя и были хорошо обоснованы, не получили дальнейшего развития. С нашей точки зрения, языковая политика, предлагавшаяся Я. К. Гротом, была слишком агрессивной, что в целом не характерно для финской языковой политики на любом этапе: ее в целом можно считать скорее рекреационной, чем провокационной, поскольку меры языкового планирования, как правило, направлялись на поддержание

текущего соотношения присутствующих языков, а не на продвижение интересов определенного идиома.

На наш взгляд, официальное признание русского языка в Финляндии достаточно вероятно и является перспективой обозримого будущего, но для этого требуются как дальнейшие усилия социолингвистов, так и активная социальная позиция российской диаспоры, внутренняя разобщенность которой на данный момент отнюдь не способствует формированию единой стратегии в развитии родного языка и культуры. Говоря о разрозненности российской диаспоры, мы имеем в виду прежде всего различия в возрастной идентичности (часто русские, переехавшие в Финляндию, стремятся уточнить время переезда друг у друга в целях возможного определения сходства в идентичности и языке), а также в социальном статусе (экономические мигранты в противовес владельцам недвижимости в Финляндии).

Еще один фактор, препятствующий официальному признанию русского языка в Финляндии, — это восприятие русских в этой стране. Влияние русофобии нельзя отрицать, и это подтвердилось, в частности, исследованием М. Лахтенмяки и М. Ванхала-Анижевски [Lähteenmäki, Vanhala-Aniszewski 2012] среди русско-финской молодежи: финны негативно воспринимают использование русского языка и/или слишком правильного либо, наоборот, неправильного финского.

Другим косвенным фактором, который может послужить препятствием официальному признанию статуса русского языка в Финляндии, является его включение в клуб мировых языков. Как правило, основной функцией мирового языка выступает объединяющая, и мировые языки очень редко получают статус языка национального меньшинства. Трудно себе представить, например, чтобы английский или французский стали национальными языками миноритарного сообщества в определенной языковой ситуации.

В октябре — декабре 2017 г. мы провели опрос русских, проживающих в Финляндии, при помощи сервиса *surveymonkey*. Целью исследования было узнать отношение русских к официальному принятию русского языка в Финляндии. Всего в опросе приняли участие 187 человек. Учитывался возраст и пол информантов, а также время проживания в Финляндии. 32 % опрошенных, среди которых 19 % — женщины, проголосовали за принятие русского языка в Финляндии, за присвоение русскому языку статуса языка национального меньшинства. 65 % респондентов высказались против (41 % из них —

мужчины). Средний возраст информантов составил 35—40 лет. Среднее время проживания в Финляндии составляет 5 лет.

Интерпретируя результаты, хочется отметить, что, во-первых, русская диаспора в Финляндии еще не готова к принятию русского языка на официальном уровне. Возможно, мы имеем дело и с психолингвистическими аспектами восприятия родного языка, с приданием ему сакрального статуса, с чем связано осознание особой ценности владения языком.

Заключение

Статусное планирование в условиях многоязычия сопряжено с определенными сложностями как формального (юридического) характера, связанными с необходимостью выполнения международных соглашений, так и социокультурного, идеологического характера, касающимися отражения практической, объективной ситуации и признания национальных прав. Однако даже конкретные меры в области языкового планирования могут не способствовать изменению ситуации. Например, шведский фактически является языком национального меньшинства, а юридически обладает статусом второго официального языка. Признание других языков (цыганского и языков саами) в качестве миноритарных в Финляндии не явилось результатом отстаивания со стороны какого-либо из упомянутых меньшинств своих прав, а произошло с целью выполнить обязательства по международным договорам и директивам, которые подписала финская сторона. Более того, как показало рассмотрение положения русского языка в Финляндии, его признание в качестве миноритарного языка не является необходимым, что обусловлено теми функциями, которые выполняет русский язык (функция мирового языка и объединяющая функция языка диаспоры).

Сложность реализации языковой политики в условиях многоязычия заключается еще и в том, что любое признание на официальном уровне другого идиома в определенной степени сказывается на статусе титульного, национального языка страны. Сложно сразу принять новое и чужое в качестве неотъемлемой части повседневной жизни «на легальных основаниях».

В условиях многоязычия мы, по всей вероятности, имеем дело с ситуацией, которую можно охарактеризовать как полигlossия. Ч. Фергюсон определил дигlossию как особый вид двуязычия, при котором существует высокий язык, используемый в официальных ситуациях, и низкий, ограниченный сферой семьи, общения с друзьями и/или бытовыми

сферами [Ferguson 1959]. По аналогии с этим, полиглоссию можно определить как такой тип многоязычия, при котором существует один язык, используемый по большей части в официальных ситуациях, и несколько низких языков, функционирующих в повседневном общении.

Меры статусного языкового планирования могут и не дать желаемых результатов, к которым можно отнести наделение большими правами определенного национально-меньшинства, и, более того, не отражать реального положения дел, в результате чего может образоваться несовпадение фактического и юридического статусов языка. В данном случае социолингвистический анализ, а именно описание функционирования и формы языка (диалектной, пиджинизированной, литературной), в некоторой языковой ситуации позволяет получить более надежные в практическом плане результаты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальчунене Н. И. Еще раз о перспективах русского языка в Финляндии // Новое слово в науке: перспективы развития. 2015. № 3 (5). С. 68—69.
2. Картушина Е. А. Многоязычие как основная стратегия языковой политики Евросоюза (на примере языковой политики Финляндии) // Языковые процессы в эпоху глобализации : материалы Междунар. науч. семинара. 2016. С. 87—90.
3. Протасова Е. А. Я. К. Грот и русский язык в Финляндии // Тр. Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. 2014. № 2-1. С. 116—124.
4. Bloomaert J. The debate is open. *Language Ideological Debates*. — Berlin : Mouton De Gruyter, 1999. P. 1—38.
5. Bloomaert J., Leppänen S., Spotti M. Endangering multilingualism. *Dangerous multilingualism: Northern perspective on Order, Purity and Normality* / ed. by Jan Blommaert, Sirpa Leppänen, Päivi Pahta, and Tiina Räisänen. — New York : Palgrave Macmillan, 2012. P. 5—25. (Language and Globalization series).
6. Ferguson C. Diglossia // *Word*. 1959. Vol 15. P. 325—350.
7. Grönfors M. Finnish Roma: A forgotten cultural group // *Cultural Minorities in Finland. An Overview towards Cultural Policy Publications of the Finnish National Commission for Unesco 66* / J. Pentikäinen, M. Hiltunen (eds.). — Helsinki : Finnish National Commission for Unesco, 1995. P. 149—160.
8. Jokinen M. Kuurojenomamaailma—kuurouskielenäjäkulttuurina // *Viittomakieliset Suomessa = Sign Language Users in Finland* / A. Malm (ed.). — 2000. P. 79—101.
9. Kielilaki = Language Law of Finland [Electronic resource]. URL: <https://www.eduskunta.fi/fi/search/sivut/results.aspx?k=kielilaki> (date of access: 15.03.2018).
10. Kloss H., Verdoodt A. Research Possibilities on Group Bilingualism: A Report. — Quebec : International Center for Research on Bilingualism, 1969. 91 p.
11. McRae H. Conflicts and Compromises in Multilingual Societies. — Helsinki, 1999. 145 p.
12. Makoni S., Pennycook A. Desinventing and reconstructing languages. — Buffalo, NY : Multilingual Matters, 2007. 272 p.
13. Mustajoki A., Protassova E. Finnish-Russian relationship: the interplay of Economics, history, psychology and language // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика*. 2015. Т. 19. № 4. С. 69—81.
14. Latomaa S., Nuolijärvi P. The Language Situation in Finland // *Language Planning and Policy in Europe: Hungary, Finland and Sweden* / ed. by Robert B. Kaplan, Richard B. Baldauf Jr. — New York : Multilingual matters, 2006. P. 125—233.
15. Lähteenmäki M., Vanhala-Aniszweski M. Hard Currency or a Stigma — *Russian-Finnish Bilingualism among Young Russian-Speaking Immigrants in Finland // Dangerous multilingualism: Northern perspective on order, purity and normality* / ed. by Jan Blommaert, Sirpa Leppänen, Päivi Pahta, and Tiina Räisänen. — New York : Palgrave Macmillan, 2012. P. 121—141.
16. Ollikainen M. Vankkurikansan perilliset. *Romanit, Euroopan unohtettu vähemmistö = The Successors of the Wagon People: The Roma, the Forgotten Minority in Europe*. — Helsinki : Yliopistopaino = Helsinki Univ. Pr., 1995. 127 p.
17. Statistics Finland [Electronic resource]. URL: https://www.stat.fi/til/index_en.html (date of access: 12.03.2018).
18. Cooper R. L. *Language Planning and Social Change*. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1989. 216 p.
19. Williams G. *Sociolinguistics: a sociological critique*. — London : Routledge, 1992. 278 p.
20. Ylikoski J. Language contact in the Arctic Europe with a special focus on saami languages / on North saami // *Language contact in the circumpolar world: Abstracts (27—29th Oct. 2017, Institute of Linguistics RAS, Moscow)*. — M., 2017. P. 56—57.

E. A. Kartushina
Moscow, Russia

MINORITY LANGUAGE STATUS PLANNING UNDER THE CONDITIONS OF MULTILINGUALISM (BASED ON FINLAND)

ABSTRACT. *The article concerns status language planning under the conditions of multilingualism. Status language planning is an integral part of language policy together with education policy and corpora planning. The author analyses the language status planning in Finland the choice of which as a subject matter for the research was made due to the long history of two official languages (Finnish and Swedish) as well as the presence of other minority languages. The introductory part of the paper concerns attitudes towards multilingualism as a trend within the globalising world. The perception of multilingualism has always been positive both within the academic community and within the general public. However, the recent sociolinguistic studies (for example, the concept by Jan Blommaert) suggest that multilingualism can be an endangering as it, to a certain extent, contradicts the traditions and anachronisms existing in every society. The author pinpoints two major types of difficulties with regard to status language planning. The first relates to social and ideological matters and concerns the purity of the language existing in the community. The second one relates to legal matters and is contingent to observing the compliance with several international agreements and treaties. Having analysed all the minority languages that have been reflected in Finnish Language acts (i.e. Roman language and the silent language), the article also shares the results of the questionnaire of the Russian people living in Finland on their attitude of recognizing the Russian language as a minority language in Finland. The survey revealed, that the majority of the participants voted against such a measure of the language planning. As it is particularly emphasized in the end, it is essential to underline that official recognition of a language status may not be an adequate measure of a language policy, though sociolinguistic description and/or educational and corpora planning may lead to better practical results.*

KEYWORDS: language situation; language policy; status of language; multilingualism; language planning.

ABOUT THE AUTHOR: Elena Alexandrovna Kartushina, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages, Department of the Humanities and Social Sciences, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia.

REFERENCES

1. Bal'chyunene N. I. Eshche raz o perspektivakh russkogo yazyka v Finlyandii // *Novoe slovo v nauke: perspektivy razvitiya*. 2015. № 3 (5). S. 68—69.

2. Kartushina E. A. Mnogoyazychie kak osnovnaya strategiya yazykovoy politiki Evrosoyuz (na primere yazykovoy politiki Finlyandii) // *Yazykovye protsessy v epokhu globalizatsii : materialy Mezhdunar. nauch. seminar*. 2016. S. 87—90.

3. Protasova E. A. Ya. K. Grot i russkiy yazyk v Finlyandii // Tr. In-ta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 2014. № 2-1. S. 116—124.
4. Bloomaert J. The debate is open. Language Ideological Debates. — Berlin : Mouton De Gruyter, 1999. P. 1—38.
5. Bloomaert J., Leppänen S., Spotti M. Endangering multilingualism. Dangerous multilingualism: Northern perspective on Order, Purity and Normality / ed. by Jan Blommaert, Sirpa Leppänen, Päivi Pahta, and Tiina Räisänen. — New York : Palgrave Macmillan, 2012. P. 5—25. (Language and Globalization series).
6. Ferguson C. Diglossia // Word. 1959. Vol 15. P. 325—350.
7. Grönfors M. Finnish Roma: A forgotten cultural group // Cultural Minorities in Finland. An Overview towards Cultural Policy Publications of the Finnish National Commission for Unesco 66 / J. Pentikäinen, M. Hiltunen (eds.). — Helsinki : Finnish National Commission for Unesco, 1995. P. 149—160.
8. Jokinen M. Kuurojenomamaailma—kuurouskielenäjakulttuurina // Viittomakieliset Suomessa = Sign Language Users in Finland / A. Malm (ed.). — 2000. P. 79—101.
9. Kielilaki = Language Law of Finland [Electronic resource]. URL: <https://www.eduskunta.fi/fi/search/sivut/results.aspx?k=kielilaki> (date of access: 15.03.2018).
10. Kloss H., Verdoodt A. Research Possibilities on Group Bilingualism: A Report. — Quebec : International Center for Research on Bilingualism, 1969. 91 p.
11. McRae H. Conflicts and Compromises in Multilingual Societies. — Helsinki, 1999. 145 p.
12. Makoni S., Pennycook A. Desinventing and reconstructing languages. — Buffalo, NY : Multilingual Matters, 2007. 272 p.
13. Mustajoki A., Protasova E. Finnish-Russian relationship: the interplay of Economics, history, psychology and language // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika. 2015. T. 19. № 4.S. 69—81.
14. Latomaa S., Nuolijärvi P. The Language Situation in Finland // Language Planning and Policy in Europe: Hungary, Finland and Sweden / ed. by Robert B. Kaplan, Richard B. Baldauf Jr. — New York : Multilingual matters, 2006. P. 125—233.
15. Lähteenmäki M., Vanhala-Aniszweski M. Hard Currency or a Stigma — Russian-Finnish Bilingualism among Young Russian-Speaking Immigrants in Finland // Dangerous multilingualism: Northern perspective on order, purity and normality / ed. by Jan Blommaert, Sirpa Leppänen, Päivi Pahta, and Tiina Räisänen. — New York : Palgrave Macmillan, 2012. P. 121—141.
16. Ollikainen M. Vankkurikansan perilliset. Romanit, Euroopan unohdettu vähemmistö = The Successors of the Wagon People: The Roma, the Forgotten Minority in Europe. — Helsinki : Yliopistopaino = Helsinki Univ. Pr., 1995. 127 p.
17. Statistics Finland [Electronic resource]. URL: https://www.stat.fi/til/index_en.html (date of access: 12.03.2018).
18. Cooper R. L. Language Planning and Social Change. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1989. 216 p.
19. Williams G. Sociolinguistics: a sociological critique. — London : Routledge, 1992. 278 p.
20. Ylikoski J. Language contact in the Arctic Europe with a special focus on saami languages / on North saami // Language contact in the circumpolar world: Abstracts (27—29th Oct. 2017, Institute of Linguistics RAS, Moscow). — M., 2017. P. 56—57.